

**Борис Олейник
Валентин Павлов
Николай Рыжков**

ИУДА

Издано в 19 г.

**Анатомия
предательства
Горбачева**

Суд истории

Борис Олейник

**Иуда. Анатомия
предательства Горбачева**

«Алисторус»

2010

Олейник Б. И.

Иуда. Анатомия предательства Горбачева / Б. И. Олейник — «Алисторус», 2010 — (Суд истории)

Авторы этой книги не нуждаются в особом представлении. Валентин Сергеевич Павлов, премьер-министр СССР (первый и последний), член ГКЧП. В.С. Павлов принимал участие в создании Пенсионного фонда, налоговой инспекции, в формировании коммерческих банков, привлечении первых инвестиций, в регулировании первых кооперативов и совместных предприятий. Борис Ильич Олейник – заместитель председателя Палаты Национальностей Верховного Совета СССР, лауреат Государственной премии СССР, действительный член Национальной академии наук Украины, председатель Украинского фонда культуры. В книге, представленной вашему вниманию, Борис Олейник показывает весь путь предательства Михаилом Горбачевым – «Иудой меченым», как его называли в народе, – Советского Союза: от одной горбачевской «кампании» до другой, от съезда к съезду, от первых указов Горбачева до последних. Показания Б. Олейника дополняет В. Павлов, рассказывая о том, как на самом деле развивались события в августе 1991 года. Свидетельства советского премьер-министра не оставляют сомнений в том, что это был тщательно спланированный путч именно Михаила Горбачева, а члены ГКЧП оказались жертвами этого опытного политического интригана, предавшего СССР за «тридцать сребреников».

© Олейник Б. И., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Михаил Горбачев перед судом истории	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Борис Ильич Олейник, Валентин Сергеевич Павлов, Николай Иванович Рыжков

Иуда. Анатомия предательства Горбачёва

Михаил Горбачев перед судом истории

Борис Олейник

...Был горячий, веселый день конца мая 1987-го.

Я стоял у входа в гостиницу «Россия». Поскольку спешил к поезду, внимание мое было приковано к стрелкам часов. Но все же боковым зрением я заметил какой-то игрушечный, ярко раскрашенный самолетик, который то появлялся почти над головой, то пропадал из виду. Раз-два он как бы принаравливался сесть на мосту, что слева от гостиницы, и снова взмывал вверх.

Время от времени возле меня останавливались случайные прохожие, буднично спрашивали: не знаю ли, что это за самолет? Я так же буднично отвечал, что не ведаю, но, возможно, это какой-то рекламный полет. Так подумалось, ибо чего-то другого не мог предположить.

Наконец самолетик, сделав еще один круг, сел прямо... на Красной площади. Метров за 150 от меня. И за 50 – от Мавзолея. Из кабины выпорхнул юркий, худощавый юноша, кажется; в белом костюме или комбинезоне.

В этот миг и причалил коллега с «колесами». Он тоже заметил самолет и шутливо спросил, что это, мол, за истребитель? Забрасываясь в кабину, я в тон ему повторил свою версию.

И только в поезде, на следующее утро, за несколько километров от Киева, слух уколола фраза из вагонного репродуктора. Я даже не разобрал слов, но, видимо, недремлющее подсознание автоматически отреагировало на нечто, и вправду выходящее за весь предыдущий жизненный опыт.

Не успел я осознать услышанное, как вдруг вскочил сидевший напротив меня грузный, уже почтенных лет сосед по купе и растерянно выдохнул:

– Вы что-нибудь понимаете?!

– Да вот, не совсем уловил...

– Только что передали: какой-то немецкий самолет, не замеченный ПВО, сел... где бы вы думали? Возле Кремля, у самого Мавзолея!

Меня буквально подбросило:

– Господи, да я же видел, как он садился!!!

Возле нашего купе уже сгрудились пассажиры из всего вагона. Как сквозь вату, к моему сознанию пробивались сначала встревоженные, а потом и все более гневные голоса:

– Но это же черт знает что...

– Ну дожили...

– Такого позора я не переживу... Мы даже в сорок первом...

– Вот так-то, папаша. Вы в сорок первом отстояли Москву, а мы ее вчера сдали... – попытался съюморить бодрый парняга, но на него зашикали.

Словно сквозь туман, ступил на перрон. Странное чувство – не то безволия, не то безысходности – овладело мной. Я впервые почувствовал себя маленьким, слабым и незащищенным.

Уже на привокзальной площади, уловив какой-то гул, непроизвольно съежился и опасно посмотрел вверх: не заходят ли?.. Как в сорок первом, когда над нашей беженской валкой заходили в пике – с тем особенным, прерывисто волчьим воем – немецкие штурмовики. Но и тогда не было этого чувства тоскливой безысходности: нас защищали пусть и фанерные, но

такие родные истребители. Они отчаянно вступали в бой со стервятниками, горели, но все же защищали. Защищали нашу надежду на избавление.

И даже в сентябре 41-го, когда в какой-то полувоенной автоколонне нас вместе с матерью взяли в плен фашисты, – даже тогда надежда на избавление не угасала.

Однако в тот день 87-го и надежда, которая умирает последней, угрожающе пошатнулась. Может, именно в то утро впервые поколебалась и моя беспредельно наивная вера в Вас, Михаил Сергеевич?

Но мне, принадлежащему к поколению, за каких-то три десятилетия пережившему крушения трех идолов и трех переписанных в угоду им «историй Отечества», чисто по-человечески не хотелось потерять веру в четвертого. Ибо, по законам предков, по всем писаниям и предписаниям человеку уготовано выдержать три искуса, а дальше уже грозит потеря точки отсчета и ориентиров.

Увы, человек только предполагает, а располагает... И то, в чем не хотелось, да– признаю– и ныне еще не хочется убеждаться, – с того, рустовского «налета» неотвратимо вело к осознанию непоправимого.

* * *

Тем временем демократия разворачивалась вовсю. Воочию начали проявляться и некоторые странности ее. Сначала думалось, что они объясняются то ли нашей юридической неграмотностью, то ли Вашей, Михаил Сергеевич, забывчивостью или, скорее, покладистостью перед нажимными действиями волевых натур из числа лидеров новой волны.

Я, к примеру, так до сих пор и не уразумел «Закона о выборах». Вроде бы в истоках его был заложен принцип однократности: проигравший в одном округе уже не имел права баллотироваться в любом другом. Да и избирателям в качестве кандидатов рекомендовалось ориентироваться на людей, знакомых ими не понаслышке, работающих с ними, а не на варягов.

Изрядная путаница произошла и со средствами на избирательную кампанию. Вроде бы все взыскующие должны иметь равные условия. Но на проверку оказалось, что это далеко не так. «Партократы», нередко используя свое служебное положение, по командно-административной привычке привлекали средства подчиненных им городов и весей.

Не лучше выглядели и их оппоненты из лагеря радикалов. По несколько раз проваливаясь в разных регионах, они устремлялись со своими командами в очередной округ и, используя непросвещенность избирателей, силовой прессинг вплоть до угроз, а то и прямые подкупы, пробивали своих.

К слову, эти командос щедро оплачивались и рублями, и неизвестно откуда взявшейся инвалютой.

В этом шабаше правового и морального нигилизма весьма странную позицию заняли Вы, Михаил Сергеевич. В очередной раз– сбоку, во всем своем величии демократа, «не замечая» Вами же осуждавшихся нарушений элементарных, общепринятых норм. «Дошло уже до того, товарищи...»– сокрушались Вы в очередной раз и... забывали.

Вы то забывали или делали вид, что забывали. Но многие запоминали. Отдельные всплески недовольства Вашей уступчивостью медленно, но верно перерастали в ропот, на первых порах – глухой.

Вы как главный архитектор и А.Н. Яковлев как главный теоретик «перестройки» настолько запутали предвыборную кампанию, что в депутаты не мог попасть лишь тот, кто этого не очень хотел. Зато каждый из новой волны, поставивший своей целью занять мандат избранника, получил его.

Демократия демократией, но есть ведь общепринятые, элементарные морально этические критерии, по которым определяются показания или противопоказания иметь статус

народного избранника. Ибо есть и такие чисто личностные качества, приобретенные или врожденные, которые в более или менее цивилизованном обществе являются непреодолимой преградой на пути к властным структурам.

Неужели Вам и Вашим многочисленным службам не был известен постнулевой моральный облик некоторых особей, остервенело рвавшихся на олимп? Тогда я еще сомневался. Ныне – уже не сомневаюсь: Вам все было известно...

Но вот состоялись выборы. Собрался I съезд народных депутатов СССР. Следовательно, представилась возможность в пределах кремлевского зала изучить весь срез нашего многонационального общества буквально за какие-то дни: мы ведь привыкли считать, что депутаты, как зеркало, отражают реальное состояние всех слоев и прослоек нашего народа.

Однако уже первые несколько дней резко поколебали этот стереотип. Ибо, если предположить, что состав новоизбранного депутатского корпуса отражал действительность, то в таком случае весьма заметная часть нашего общества страдает, мягко говоря... психической неуравновешенностью. Но сие даже и в горячечном бреде невозможно представить! Следовательно, депутатский состав ни в коей мере не отражал состояние общества на 1989 год, а коли уж и был зеркалом, то весьма искривленным.

Как-то после тяжелейшего, истеричного заседания Верховного Совета Анатолий Иванович Лукьянов, смахивая щедрый пот с чела, сокрушенно покачал головой и полупшепотом бросил: «Несчастные люди! Медики доверительно сообщили, что среди депутатов, как бы сказать помягче, многовато людей с неустойчивой нервной системой. Но что поделаешь?! Несчастные люди...»

Американцы, хорошо осведомленные по части нашего депутатского корпуса, беспечно похихатывали: «Да бросьте вы сокрушаться! У нас подобных личностей не меньше, если не больше. Правда, с той существенной разницей, что в Америке они занимают свою определенную, нижнюю нишу. У вас же они почему-то оказались на верхних этажах».

Сначала и я склонился к этому расплывчатому «почему-то» и не менее пассивному «оказались». Но со временем все больше убеждался в том, что не все здесь случайно. Кому-то именно такой состав депутатского легиона был крайне необходим для далеко идущих целей.

* * *

Но это уже погода, и не я один пришел к подобному заключению. А тогда, да и гораздо позже, я еще наивно списывал вину на всех, кроме Вас. Ныне мне до боли стыдно за свои наивные возгласы: «Неужели нельзя было предположить?!» Скорее даже не стыдно, а обидно, что я так долго не верил своей интуиции.

Ибо... верил Вам. Верил, даже когда в так называемой «Воскресной моральной проповеди» на ЦТ в конце декабря 1989 года растерянно обвинял чуть ли не всех (и себя тоже!) в том, что «за последние десятилетия не раз менялись стратегические направления», что повсеместно «нарастают прагматизм, карьеризм, жестокость, раздраженность, жадность»... и когда в той же самой проповеди «размышлял» о самой вере: «В чем смысл этого феномена? Может, это – чувства? Но ведь чувства изменчивы. Может, это состояние души? Но и оно меняется под влиянием тех или иных чувств. Скорее это все-таки некая норма, принятая всеми: обществом, человеческой общностью в целом и лично каждым. Стремление определить нечто как святыню, которая не подлежит размыванию. Если вера завизирована совестью – она истинна».

Вот так говорилось и думалось. Если с позиций сегодняшних моих и общих познаний проанализировать эти слова, то можно заметить, как подсознательно сам себя и сограждан своих успокаивал, что моя вера в одну из тогдашних «святынь» истинна и непоколебима, однако...

Глубоко ошибаются те, кто в крайнем раздражении обвиняет Вас в предательстве всех без разбора. Да, Вы подставили несколько своих «команд» и самых, казалось бы, ближайших соратников. Но почему-то всякий раз сия горькая чаша обходила нескольких человек, неуживимо переходивших из одной, заложенной вами, в очередную, намеченную к заклятию, команду. Александр Яковлев, Вадим Бакатин, Евгений Примаков, Гавриил Попов, Георгий Арбатов, Анатолий Собчак, Юрий Афанасьев и еще несколько их собратьев помельче – эта связка оставалась нетронутой при всех микропереворотах и перетрясках «кадров».

Главная ошибка Ваших самых яростных изобличителей состояла в том, что они в благородном гневе не замечали «домашних заготовок» и принимали за чистую монету Ваши схватки на миру с упомянутыми выше непотопляемыми. Они (и я вместе с ними) даже не предполагали, что уколы, наносимые Вам теми же Яковлевым, Поповым, Собчаком или Афанасьевым, – всего лишь розыгрыш для профанов. И даже искренне защищали Вас от их наскоков.

Как-то А.Н. Яковлев, расслабившись после карнавального «путча», назвал своих и Ваших противников «шпаной».

Оставляю приоритет на сей понятийный аппарат за академиком. Но совершенно очевидно, что как раз Вам-то и нужны были «несчастливые люди» на парламентском уровне, самая настоящая парламентская «чернь». Нет, не в том оскорбительном социальном понимании, не с тем презрительным ярлыком. «Чернь» в том духовно-нравственном смысле, как писал об этом русский мудрец Иван Ильин в «Аксиомах власти»:

«Люди становятся чернью тогда, когда они берутся за государственное дело, движимые не политическим правосознанием, но частною корыстью... Чернь не знает общего интереса и не чувствует солидарности... Она совершенно лишена сознания государственного единства и воли к политическому единению...»

Но именно «чернь», как известно, ради своих выгод, своей корысти умело выискивает себе опекунов, добровольно принимает послушание перед ними, впрочем, если нужно, успешно маскируя его («чернь на выдумки хитра...»).

* * *

...Итак, собрался Съезд народных депутатов, впервые – как это назойливо подчеркивалось – «избранных демократически».

Интересное это было и глубоко поучительное действо! И зрелище.

Несколько дней я как писатель буквально утопал в роскоши познания, изучая лица, повадки, систему жестов, игру эмоций, амбиций, наигранных истерик, заранее подготовленных экспромтов, демонстрацию «смелости» мыслей, своеобразный викторианский речевой стиль, граничащий с полублатным аргом; навязчивую пренебрежительность в одежде – вплоть до маек с визиткой «Мальборо»; раскованность в общении с президиумом и даже с Самим, переходящую в рискованную фамильярность: иные депутаты, переваливаясь через стол президиума-разрезом пиджака к залу, для равновесия игриво отбрасывали ногу.

Упаси бог, сие не касается большинства нормальных депутатов, которые опасливо посматривали на упомянутое выше агрессивное меньшинство. Эти (заимствую из излюбленного блока радикалов – «эта страна»), так вот эти с первых минут работы съезда сразу же определились в ловко сбитую стайку. Чувствовалось, что они заранее прошли соответствующий тренинг: сразу же оккупировали трибуну и микрофоны и, пользуясь неопытностью большинства, «повели» съезд.

...Не знаю почему, но первым мое внимание привлек Анатолий Собчак. Броский, в элегантно сшитом костюме, выше среднего роста, без излишних «соцнакоплений», он чувствовал себя хозяином положения. Аттестованный как «известнейший юрист», он перманентно мая-

чил у микрофонов, подправляя и регламент, и самого Председателя, не говоря уже о коллегах, по адресу которых отпускал колкие реплики.

Острый на слово, с хорошей реакцией, с иронической улыбкой, еле скрывающей пренебрежительное высокомерие к сирым, он поначалу многих буквально очаровал.

Мне всегда импонировала – и в друзьях, и в противниках – такая раскованность и, простите, подкупающая нахрапистость, когда и знаешь, что человек врет в глаза, но настолько искренне, с такой веселой самоуверенностью, что вызывает... симпатию.

Думаю, не открою особых «творческих секретов», когда скажу, что в писательском арсенале заложены своеобразные «кассеты» со стереотипами определенных, хорошо изученных им типажей. И если в поле внимания оказывается новая, незаурядная личность, он подсознательно подыскивает из своего запасника схожий с «новобранцем» по психоантропным характеристикам тип, по которому, уже изученному, пытается предугадать или рассчитать, что можно ожидать и от новенького.

Наблюдая за Анатолием Собчаком, я все больше наткнулся в своем запаснике на известный образец, который с легкой руки моего гениального земляка триумфально шествует по всему миру.

Вот он в очередной раз, юрко обходя коллег, решительно продвигается к микрофону. Следует очередная филиппика – то ли по адресу выступившего перед ним, то ли по поводу президиума. Учинив эскападу, он так же уверенно возвращается на свое место, лукаво подмигивая себе: а ну, мол, как ты, дорогой коллега, будешь отмываться?

Анатолий Александрович абсолютно невозмутим, когда его, тут же, «на миру», уличают в передергивании фактов, неточностях, а то и в прямом вранье. Поохотав вдоволь, разведя руками – мол, что поделаешь, бывает, он с такой же невозмутимостью готовится к очередному броску на микрофон. Поражают его глаза на миловидном лице: трудно уловимые, поскольку смотрят... врозь.

Да, он отталкивает и одновременно чем-то привлекает, как и бессмертный Хлестаков. Но гоголевский герой симпатичен тем, что, отчаянно привирая, подсмеивается над властями предрежащими. То есть его грешки искупаются грехами городничего и иже с ним, на которых Хлестаков честно играет.

Другое дело – Анатолий Александрович. В отличие от своего визави, он сам принадлежит к властям предрежащим. Избранник и доверенное лицо народа. И если уж он «темнит», то объегоривает не власть, ибо сам – власть, а – простите за пафос – народ, избравший его. То есть сам народ оказывается в роли как бы его сообщника по обману... народа.

Какую опасность таят в себе подобные особи, свидетельствуют посттбилисские события. Ведь именно Собчак, возглавлявший комиссию по расследованию трагедии, обвинил во всем армию, обелив боевиков Гамсахурдиа как белокрылых ангелов. Именно тогда господин Собчак открыл дорогу режиму, который принес грузинскому народу страдания и человеческие жертвы, многократно превышающие тбилисский инцидент.

Господин Горбачев! Как натура тонкая и хорошо читающая с листа характеры, Вы ведь отлично «прочитали»

А. Собчака от запятой до титлы. Если уж не столь опытные заметили одну ярко выраженную особенность Анатолия Александровича – начинать посылкой, которую в конце того же абзаца дезавуировать, – то Вы ведь видели Собчака в самых глубинах сокровенного.

И вот незадача: видели и знали, но почему-то он всегда оставался неуязвимо при Вас, между тем как других Вы сдавали повзводно. А не потому ли, Михаил Сергеевич, что, подобно уже названным неприкасаемым, Анатолий Собчак как тип Вам и, как ни парадоксально, Борису Ельцину был нужен?

Однажды, в минуту откровения (истинного или деланного), Вы признались, как, прогуливаясь с имярек по своим «Воробьевым горам», поклялись разрушить «эту прогнившую

систему». Но коль скоро Вы не просто дети авторитарного режима, а зодчие и ревностные охранители его, то уж досконально знали, что разрушить режим, не ликвидировав партию, весьма и весьма сложно. (Оговорюсь: Вы и Ваши сообщники всегда лукаво «путали» Политбюро, ЦК, областных и районных кадровых аппаратчиков с миллионами партийцев, которые имели единственное преимущество: вкалывать и «за того парня», да еще платить партналог, отрывая от своей скудной зарплаты на содержание всего этого таинственного ордена, возглавляемого магистром, сиречь Вами, Михаил Сергеевич.)

* * *

Но вернемся к главному.

Теперь-то Ваш давний замысел понятен: для разрушения, как и для созидания, Вам нужны были соответствующие кадры. И Вы их продвинули во все структуры общественного организма. Сделав, по своему обыкновению, вид наивного неведения касательно того, что основные «кадры» были аттестованы далеко за пределами нашего бывшего многонационального отечества.

Но об этом мы, непосвященные, узнали лишь в 1991 году на так называемом «закрытом» заседании Верховного Совета, где документ под многократным грифом «секретно» о так называемых «агентах влияния» отважился через 14 лет обнародовать Крючков. (Никак не отвязусь от мысли: а не эта ли информация подтолкнула влиятельных лиц ускорить переворот?)

Горе нам, профанам! Мы по своей наивности и не подозревали, что наша истая вера в перестройку эксплуатировалась для совершенно иной (а мы-то верили!) цели. Да и откуда нам, сирым, было знать, что «перестройка», казавшаяся отечественным и лично Вашим изобретением, была спланирована... не у нас?!

Думается, «массам» небезынтересно будет узнать непредвзятое мнение коллеги из американского журнала «Тайм» за 24 февраля 1992 г.

Карл Бернстайн, взяв интервью у 75 представителей рейгановской администрации и Ватикана, пришел к выводу, что еще 7 июня 1982 года в результате встречи между Рональдом Рейганом и папой Иоанном Павлом II было достигнуто направленное против СССР, Польши и других стран Восточной Европы соглашение о проведении тайной кампании с целью ускорить процесс распада коммунистической системы.

Итак, все началось (цитирую Карла Бернстайна) «в понедельник 7 июня 1982 года в библиотеке Ватикана», где «вели беседу двое – президент США Рональд Рейган и папа римский Иоанн Павел II. Это была их первая встреча, разговор длился 50 минут... львиную... долю встречи заняла тема... – Польша и советское господство в Восточной Европе. Рейган и глава римско-католической церкви пришли к согласию о проведении тайной кампании – с целью ускорить процесс распада коммунистической империи». (Вот, оказывается, откуда взято расхожее клише в речевом ряде отечественных радикалов!) Вот что говорит Ричард Аллен, занимавший пост советника Рейгана по национальной безопасности: «Это был один из величайших тайных союзов всех времен».

Сердцевиной операции была избрана Польша... И папа римский, и президент США были убеждены: Польшу можно вырвать из орбиты Москвы, если Ватикан и Соединенные Штаты объединят усилия, чтобы сокрушить польское правительство и сохранить жизнь объявленному вне закона движению «Солидарность»...

«Солидарность»... в общем, процветала, пребывая в подполье, поддерживаемая, подпитываемая, и широко консультируемая по капиллярам разветвленной сети, которая была создана под эгидой Рейгана и Иоанна Павла II. По контрабандным каналам в страну были доставлены тонны технического оборудования – факсы, впервые появившиеся в Польше, печатные станки, передатчики, телефонная аппаратура, коротковолновые приемники (не на

таких ли работала в августе 91-го «подпольная радиостанция» из т. н. Белого дома?), видеокамеры, ксероксы, телексы, компьютеры. Маршруты определяли церковь, американская агентура... Деньги для запрещенной «Солидарности» поступали из фондов ЦРУ, «Национального фонда демократии» США, с тайных счетов Ватикана...

Лех Валенса и другие лидеры «Солидарности» получали стратегические рекомендации – обычно их передавали ксендзы или представители американских и европейских профсоюзов («независимых» – естественно!)... – и эти стратегические напутствия отражали образ и ход мыслей Ватикана и рейгановской администрации... Информация шла не только через отцов церкви, но и от агентуры в самом польском правительстве».

* * *

Можно было бы обойтись и без столь щедрых цитаций из Бернштейна: в народе еще в процессе событий не было сомнений, что государственный переворот в Польше осуществляли ЦРУ и Ватикан, поскольку все это делалось почти в открытую. В конце концов, полякам самим решать, как им жить и действовать. Но я привлек столь обширные фрагменты, потому что именно в Польше, как на ящике с песком, отрабатывался и апробировался тот тип «перестройки», который впоследствии был успешно реализован и в Восточной Европе, и в бывшем СССР. Один в один, вплоть до подпитывания местных «солидарностей» упомянутым выше техническим оборудованием, валютой, поступающей из тех же фондов ЦРУ и «Национального фонда демократии», и, конечно же, стратегическими рекомендациями.

Итак, цитирую далее: «Впервой половине 1982 года была выработана стратегическая программа. Цели ее выглядели следующим образом: обеспечить крах советской экономики, ослабить контакты и связи Советского Союза с его клиентами по Варшавскому пакту, навязать реформы в рамках советской империи».

Это, так сказать, вводная в замысел в общих чертах. Конкретно же расшифровывалось пять направлений деятельности, в частности: навязать СССР выматывающее соревнование с Америкой в военной сфере (программа «звездные войны»); «тайные операции, нацеленные на подстегивание реформаторских движений в Венгрии, Чехословакии, Польше»; «калибровка финансовой помощи государствам– участникам Варшавского пакта в зависимости от их позиций в деле обеспечения прав человека и степени готовности к политическим преобразованиям, так и реформам по части рыночной экономики»; «американская администрация сконцентрировала усилия на проекте (с целью создать помехи в его реализации)... трансконтинентального газопровода... из Сибири до Франции. Газопровод вошел в строй в срок... но его эффективность оказалась гораздо ниже той, на которую рассчитывала Москва» (не «оказалась», а просто «агенты влияния» выполнили важнейшую инструкцию: поощрять тупиковые изыскания в науке и экономике. – 6. О.).

Чтобы несколько охладить «благородный гнев» радикал-демократов, которые, по своей привычке, обвинят автора в шпиономании, приведу свидетельство члена палаты представителей Генри Хайда: «В Польше мы делали все, что делается в странах, где мы хотим дестабилизировать коммунистическое правительство и усилить сопротивление против него. Мы осуществляли снабжение и оказали техническую поддержку в виде нелегальных газет, радиопередач, пропаганды, денег, инструкций по созданию организационных структур и других советов. Действиями из Польши, направленными вовне, было инспирировано аналогичное сопротивление в других коммунистических странах Европы».

Вот кого следовало бы обвинить в шпиономании, если бы Генри Хайд не входил в состав комитета палаты представителей... по разведке и не выступал с оценками некоторых из тайных операций Белого дома... Какая уж тут мания, когда человек занимался реальными деяниями реальных шпионов!

Словом, нам уже как обезопасенному противнику открыто сообщают, кто и как – за рубежом и в отечестве – задумывал и осуществлял «нашу перестройку», завершившуюся государственным переворотом.

Но это там, в тиши кабинетов, кажется проще простого: взял да и совершил переворот. Тем более в такой стране, которая выдержала не только гестаповские пытки, но и всю дьявольскую мощь немецкой военной машины. По всему видно, что «Рейган и его наследники», сам папа готовились к длительной, изнуряющей осаде «империи зла». Но... (цитирую Бернштейна): «Но, разумеется, ни Рейган, ни Иоанн Павел II не могли предполагать в 1982 году, что через три года к власти в СССР придет такой руководитель, как Михаил Горбачев, отец гласности и перестройки. Реформаторская деятельность Горбачева открыла путь мощным силам, которые вырвались из-под его контроля и привели к распаду Советского Союза».

Вот и все, Михаил Сергеевич. Черным по белому. Точнее, кровью по черному начертано имя Ваше. Тут уж обижаться негоже: свои ведь назвали!

Единственное, в чем несколько погрешил против истины Карл Бернштейн: после сказанного им все-таки просится «не вырвались из-под его контроля», а скорее «под его контролем» и были задействованы «мощные силы» разрушения. Но я не виню Бернштейна: есть предел не только в откровенности, но даже и Откровении Иоанна, в свое время не осмелившегося открыть имя зверя, обозначив его числом «666».

* * *

Хотя и остается еще немало темных пятен, но с нашим феноменом, Михаил Сергеевич, дело, кажется, проясняется. Зато касательно Иоанна Павла II с каждым новым фактом все больше рождается неясностей.

Если бы поляк Войтыло (фамилия папы в миру) в свержении Ярузельского принимал участие – даже самое активное – как мирянин, как поляк, это понять можно.

Но то, что г-н Войтыло уже в качестве папы Иоанна Павла II, то есть как наместник Бога на земле, как пастырь всех католиков, невзирая на их нацпринадлежность, предавался не просто земным, а низменным предприятиям, сотрудничая напрямую с шефом ЦРУ Кейси, занимаясь контрабандными операциями, организацией нелегальных групп сопротивления, – это уже как то, мягко говоря, не вяжется с саном наместника Самого Бога на земле. Насколько мне известно, Всевышний, по крайней мере, не поощрял своих служителей заниматься контрабандой, тем более – совершать перевороты.

Бернштейн утверждает: «В первые же часы кризиса Рейган распорядился, чтобы Иоанну Павлу II с максимальной оперативностью доставляли американские разведданные... Все основополагающие решения Рейган, Кейси, Кларк принимали в тесном контакте с Иоанном Павлом II... Тем временем в Вашингтоне установились тесные взаимоотношения между Кейси, Кларком и архиепископом Лаги». «В критические моменты Кейси и я направлялись в резиденцию Лаги рано утром, чтобы выслушать его комментарии и советы», – рассказывает Кларк.

«Почти все, что касается Польши, шло, минуя нормальные каналы государственного департамента, и проходило через Кейси и Кларка, – сообщает Роберт Макфарлейн, который был заместителем Кларка и Хейга. – Я знал, что они встречаются с Пио Лаги и что Лаги должен был принять президент...» По крайней мере 6 раз Лаги являлся в Белый дом для встреч с Кларком и президентом...

Свидетельствует Лаги: «Моя роль заключалась в том, чтобы облегчить встречи между Уолерсом и святым отцом. Святой отец знал своих людей. Ситуация была чрезвычайно сложной, и нужно было решать, как настаивать на правах человека, свободе религии, как поддерживать „Солидарность"... Я говорил Вернону: „Слушайте святого отца. У нас 2000-летний опыт в этом деле"».

Думаю, и этих цитат более чем достаточно, чтобы поинтересоваться: если все это и прочее соответствует действительности, то когда же святой отец общается с Богом?!

Следующие вопросы вынужден предварить несколькими цитатами. Вспоминает бывший госсекретарь Хейг: «Вне всякого сомнения, информация, которую поставлял тогда Ватикан, абсолютно превосходила нашу по всем параметрам по качеству и по оперативности».

Рассказывает Вой цех Адамицкий (он отвечал за организацию подпольных изданий «Солидарности»): «Церковь в плане поддержки „Солидарности“ играла первостепенную роль и открыто, и тайно... Тайно – поддержка политической деятельности, доставка печатного оборудования всех типов, обеспечение помещений для тайных встреч и митингов, подготовка демонстраций».

Свидетельствует Бернстайн: «Все ключевые исполнители в этом предприятии с американской стороны были набожными католиками – шеф ЦРУ Уильям Кейси, Ричард Аллен, Кларк, Хейг, Уолтерс и Уильям Уилсон...»

Свидетельствует кардинал Сильвестрини, бывший заместитель госсекретаря Ватикана: «Наша информация о Польше зиждилась на очень хорошей основе, ибо епископы поддерживали постоянные контакты со Святым престолом и „Солидарностью“».

Свидетельствует Бернстайн: «На территории Польши ксендзы создали сеть связи, которая использовалась для обмена сообщениями между костелами, где укрывались многие руководители „Солидарности“».

Если вышеприведенное тоже соответствует действительности, то возникает сразу несколько вопросов к работникам святого престола: только ли ксендзы и епископы принимали участие в организации и осуществлении названных акций или – коль это предприятие возглавлял сам папа – все без исключения католики? Далее: «все без исключения» – только в Польше или споспешествовать сему предприятию вменялось в обязанность всем без исключения католикам во всем мире? Эти разъяснения или опровержения хотелось бы получить в связи с резко усилившейся экспансией святого престола, в частности и на Восточную Украину. На предмет: чем они собираются там заниматься?

Наконец, как понимать утверждение архиепископа Пио Лаги: «У нас 2000-летний опыт в этом деле»? Может, это оговорка или неточность в переводе? Надо бы прояснить. В противном случае непосвященный может и вправду подумать, что католическая церковь на протяжении двух тысячелетий от Рождества Христова только «этим делом» и занималась.

* * *

Но вернемся к «перестройке» в Советском Союзе. Хочешь не хочешь, Михаил Сергеевич, но возникает вопрос, а не... успели ли «агенты влияния» еще до 1985 года пройти отличную школу и получить тренинг и четкий план действия, вплоть до того, как проводить у нас избирательную кампанию и как, используя неточности и зазоры в Законе о выборах (а эти щели были заранее оставлены ими же), юридическую непросвещенность населения, – как благодаря всем этим и прочим другим «уловкам 89» добыть депутатские мандаты для «своих»?

Если это так, то именно хорошо осведомленные в предвыборной неразберихе и продвинули горячий материал из самых низов, который, вроде бы стихийно, а на деле регулируемый «своими», расшатывал бы Верховный Совет и всю общественно-политическую структуру. Именно этот материал, ангажируемый из состава аутсайдеров общества (бывших узников, среди которых были не только истинные узники совести, но и без таковой; так называемых вечных неудачников; особей разных колеров – вплоть до небесно-голубого; обиженных бывших партократов и просто типов с реактивной психикой), и должен был составить ударный батальон. Его задача: «от имени самого народа», но под рукой осведомленных пробить брешь в системе, в которую без боя вошли бы профессионалы. Роль комвзводов и вся черновая работа

возлагалась на представителей своеобразной рабочей и люмпен-интеллигентской аристократии.

Пожалуй, еще жестче обозначил эту чернь с разрушительным инстинктом Достоевский. Не принимая его резкости, типа «сволочь», я все же должен процитировать писателя, не нарушая авторского права:

«В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки. Я не про тех так называемых «передовых» говорю, которые всегда спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто с глупейшей, но все же с определенной более или менее целью. Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою из всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда попадает под команду той малой кучки «передовых», которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается... В чем состояло наше смутное и от чего к чему был у нас переход – я не знаю, да и никто, я думаю, не знает... А между тем дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать все священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть, а первейшие люди, до тех пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать» (Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 10. Бесы. Изд-во «Наука», Ленинград, 1974, стр. 354).

Я решительно против того, чтобы одним миром мазать всех «передовых». Среди них были и есть люди чести, которые искренне и благородно стремились обновить идущее под уклон общество, дать каждому народу, каждой нации законное право самоопределиться и реализовать свое естественное, Богом данное право на государственную независимость.

Но есть ли гарантия, что среди этих, передовых, не было и не имеется особей, преследовавших совершенно иную цель, которую с холодной жесткостью определил Петр Верховенский: «Вы призваны обновить дряхлое и завонявшееся от застоя дело... Весь ваш шаг пока в том, чтобы все рушилось: и государство, и его нравственность. Останемся только мы, заранее предназначавшие себя для приема власти: умных приобщим к себе, а на глупцах поедим верхом... Мы организуемся, чтобы захватить направление; что праздно лежит и само на нас рот пялит, того стыдно не взять рукой» (там же, стр. 463).

Так есть ли гарантия, что среди благородных передовых не пребывают верховенские? Положа руку на сердце, объективно оценивая сегодняшние реалии, вынужден ответить: нет таких гарантий. Ибо «заранее предназначавшие себя для приема власти» уже рушат нравственность, и едут верхом на наивно поверивших им, и, «захватив направление», не берут, а хапают обеими все, «что праздно лежит». И стоит ли распространяться по поводу того, кто оказался в роли «глупцов», на которых сегодня «едут верхом»?!

Ведали ли Вы об этом, Михаил Сергеевич? По хорошо имитированной растерянности, вроде бы и нет. И мы верили Вам, поскольку просто не допускали, чтобы, зная о вопиющих нарушениях закона о выборах, о прямых подтасовках на избирательных участках, об угрозах физической расправы в случае «неправильного голосования», о множительной технике, типографиях и валюте, поставляемых напрямую из зарубежных спецфондов в помощь радикалам, – и вправду невозможно представить, чтобы генсек не отреагировал.

Действительно – невероятно, чтобы, зная это... Невероятно, но все упорнее склоняешься к мысли, что Вы об этом ведали, Михаил Сергеевич!

* * *

...Итак, уже в первые дни съезда начали исподволь проступать контуры некоей артели. Правда, сначала она действовала по возможности скрытно: все разработки и разборки осуществлялись за пределами Кремлевского дворца, на частных квартирах. На самом же съезде в качестве пробойного механизма был выпущен Юрий Афанасьев.

Показательная личность! Комсомольский выпестованец 50—60-х годов, он рос не по дням, а по часам, продвигаясь по иерархической лестнице. А вскоре как раз приспичило со взаимобменом «кадрами» между Францией и бывшим СССР.

В отличие от нынешних, в те времена учение за кордоном не являлось особо престижным. Посему большинство по всевозможным причинам (дома ведь ждала парт-карьера!) отнекивались. Словом, коллеги тайно сговорились и выдвинули в Париж наименее (по их мнению) перспективного – Юрия Афанасьева...

Все это прошло незамеченным и для многонационального общества, и науки в частности. Как и у кого он там стажировался, но возвратился Юрий Николаевич совершенно другим человеком. Идо этого не отличавшийся изысканностью стиля, он после Парижа и вовсе распоясался. К лицу приклеилась постоянная брезгливая гримаса. Голос потяжелел вкупе с фигурой.

Но больше всего поразил бывших коллег бросок Афанасьева в карьере. Не особенно преуспевающий в науках, элементарно компилирующий «марксистско-ленинские источники» (полистайте его диссертации); вернейший апологет соцсистемы, он заимел доктора наук, потом и целый историко-архивный институт. Словом, за ним угадывалась чья-то мощная рука, все время подталкивающая вверх и манящая из-за рубежа, где он стал завсегдатаем.

Взгляды, позиция и понятийно-категориальный аппарат Афанасьева настолько быстро менялись и обновлялись, что он взошел на трибуну съезда уже в третьей инкарнации – от партократ-соцдемократа – до прямого антисоветчика. За порогом еще звучало эхо его «марксистско-ленинского» голоса, а с кремлевской трибуны он уже побивал и Маркса, и Ленина, и депутатов как «агрессивное большинство», стоящее на пути демократизации...

Итак, определился треугольник острием вниз, или – как в бывшей останкинской заставке – острием в зрителя.

А на самое острие, как указывалось выше, был командирован Юрий Афанасьев. Вот этот треугольник и оформился в «Межрегиональную депутатскую группу» (МДГ). В эту группу, как пытались представить профанам ее оформители, невинную, даже не фракцию, а чуть ли не кружок по интересам. Так сказать, «стихийно возникшую» ячейку.

Наивное, неопытное большинство депутатов так и восприняло сие образование.

Но уж кто-кто, а Вы-то должны были знать (как впоследствии и мы уразумели), что это далеко не безгрешная артель. И образовалась она до 1985 года.

Ведь и слепому ясно: создать буквально за несколько дней так профессионально оформленную связку, со всеми признаками корпоративного ордена, могли только профессионалы. А что это не просто кружок случайных людей, а ядро будущей партии, свидетельствует блестящая информированность входящих в связку о месте и времени действия, согласованность и безупречная синхронность акций и, наконец, жесточайшая дисциплина и суровая подчиненность низа – верхам.

Я с горечью наблюдал, как один из депутатов-земляков, талантливый ученый, честный, неуступчиво-принципиальный, со своей ярко оригинальной позицией, попав в межрегионалку, вдруг сник и посерел. При каждом голосовании он боязливо, из-под руки, озирался, спрашивая глазами одному ему известного «мессира»: какую кнопку нажать? Иногда, по забывчивости, сам определялся, но, спохватившись, опять сверялся с ним глазами – и нервно поспешно менял кнопку.

А нервничать было от чего и почему: треугольник имел отлично отлаженную развед-систему, весьма разветвленную сеть стукачей и соглядатаев... Там составлялись и хранились досье на всех более или менее видных оппонентов по многобалльной системе: кто, как и за что голосовал, кто как, за что и против чего выступал.

Образец подобного вопросника и другие инструкции на сей счет, за подписью Аркадия Мурашева, вы найдете в архивах почившего в бозе Верховного Совета. Если, конечно, тот же Мурашев или Баранников вкупе со Степанковым не произвели изъятие.

* * *

На что же Вы рассчитывали, демонстративно, как бы в бессилии разводя руками и уверенно сдавая одну за другой не только позиции, но и своих соратников, повзводно и поротно?

Если принять правила игры, то есть поверить в Ваше неведение, тогда как же расценивать, просто по-челове-чески как понять все дальнейшее?

Пасынок войны, познавший все тяготы военного времени и повоеванной разрухи, сын потомственных хлебопашцев, Вы ничем не отличались от моего поколения пятидесятых – шестидесятых годов. Босоное детство, отцовский пиджак и картуз. Рано познавший соль труда. Не в теории, а на практике: селяне приобщаются к земле с детства.

Школа. Мечты, мечты... Мы тогда еще, не в пример сегодняшним детям бизнеса, – мы тогда еще мечтали о чем-то высоком, о подвигах и, по нынешним скептическим временам, прочей романтической чепухе.

Да, мы были романтиками: «раньше думай о Родине, а потом – о себе», что ныне и вовсе вызывает гомерический хохот. А мы гордились своей Родиной, остановившей эпидемию фашизма. Мы гордились отцами, живыми и мертвыми, победившими дотоле непобедимого врага. Мы вместе с безутешными матерями плакали над похоронками. И, как свои личные, гордо носили пилотки со звездочками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.